

УДК 821.161.1.09+929Огнев

Н. ОГНЕВ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ 1930-х ГОДОВ

Е. Г. Елина

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, elinaeg@info.sgu.ru

Автор «Дневника Кости Рябцева» Н. Огнев в 1930-е гг. участвует в работе Союза писателей, рецензирует рукописи начинающих авторов, ведет литературный кружок, разрабатывает идеи, связанные с перестройкой работы писательского союза. В записках и маргиналиях Н. Огнева различима интонация дидактизма. Впервые в научный оборот вводятся материалы из архива Н. Огнева. **Ключевые слова:** литературная жизнь, архивные материалы, Н. Огнев, начинающие литераторы, заметки, маргиналии, дидактизм.

N. Ognev in the Literary Life of the 1930s

E. G. Elina

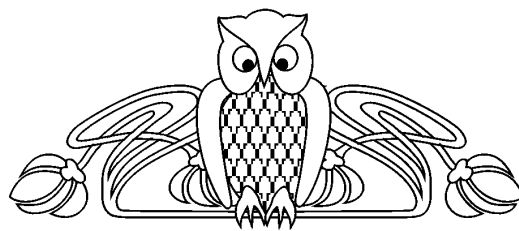
Elena G. Elina, ORCID 0000-0002-9797-3145, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, elinaeg@info.sgu.ru

In the 1930s N. Ognev, the author of *Kostya Ryabtsev's Diary*, takes part in the activities of the Union of Writers, reviews the manuscripts of emerging authors, hosts a literary club, develops ideas on how to restructure the work of the writers' union. In the records and marginal notes a didactic intonation is discernible. For the first time the materials of N. Ognev's archive are introduced into scientific discourse.

Key words: literary life, archive materials, N. Ognev, emerging authors, notes, marginal notes, didacticism.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-318-323

Литературная жизнь советского времени определяется многими составляющими. Это и собственно литературные произведения, и их публикация в литературных журналах и отдельных изданиях, литературно-критические отклики, литературная публицистика, публикации литературной хроники, репортажей о мероприятиях, посвященных литературным памятным датам и событиям. Безусловно, важными свидетельствами литературной жизни становятся мемуары, дневники и письма литераторов, их записи и записки бытового характера, маргиналии и заметки, фиксация устных бесед на литературные темы, протоколы литературных собраний и читательских высказываний. Редко когда литературоведу удастся собрать воедино такой большой и разнородный материал, отражающий литературную жизнь той или иной эпохи. Тем интереснее обратиться к литературному наследию одного из самых известных и популярных писателей

советского времени – Н. Огнева (настоящее имя – М. Г. Розанов), прославленного автора «Дневника Кости Рябцева», произведения, которое многие современники приняли за подлинный дневник подростка. Несмотря на то, что Н. Огнев стал автором еще нескольких литературных произведений, приверженцем дневниковой прозы¹, в 1930-е гг. в большей степени он занимается организацией литературной жизни в самых разных ее проявлениях. Н. Огнев участвует в работе Союза писателей, читает и рецензирует рукописи, присланные в издательства и редакции журналов, ведет литературный кружок для начинающих авторов, выезжает с писательскими бригадами и в одиночку в детские оздоровительные лагеря и санатории для встреч с детьми, разрабатывает и подает в виде письменных предложений идеи, связанные с перестройкой работы писательского союза².

В архиве Н. Огнева сохранено множество документов, обнаруживающих деятельное участие писателя в различных формах литературной жизни 1930-х гг. Среди них встречаются и многостраничные машинописные листы, и короткие записочки. Весь корпус сохраненных материалов свидетельствует о живом интересе писателя к происходящим в литературе событиям, об его стремлении придать осмысленность литературному движению, об его склонности к организационно-административной работе. Любопытно заметить, что долгие годы педагогической деятельности (в Обществе попечения об учащихся детях, в первом детском театре в Москве, в детских колониях) существенно повлияли на литературное мировоззрение писателя. И это коснулось не только содержания и персонажей его прозы (школьники, учителя, взаимоотношения воспитателей с подростками), но и самого типа высказывания. Во многих текстах, принадлежащих перу Н. Огнева, мы различаем интонацию нравоведения, ощущаем тяготение к литературному наставничеству, к пониманию основной функции художественной литературы как функции воспитательной. Безусловно, литературный дидактизм Н. Огнева во многом становится важной приметой самой эпохи: отсутствие рефлексии, убежденность в правоте, твердость и непоколебимость убеждений. Вместе с тем можно говорить и о глубоко личностном начале высказываний писателя. Большинство из них не предназначалось для печати, для чужого глаза, это были короткие записи для памяти, для себя, и в этих документах автор был предельно искренен и

слова не подыскивал. Дошедшие до нас автографы Н. Огнева привлекают еще и тем, что мы можем рассчитывать на автора как на профессионального свидетеля литературной жизни, человека, близкого к руководству Союза писателей, знакомого с М. Горьким, входящего в дружеские кружки многих известных литераторов. Иными словами, мы располагаем достоверными свидетельствами не только очевидца, но и деятельного участника литературной жизни 1930-х гг.

Одно из важнейших поручений, которые охотно выполнял Н. Огнев, – работа с молодыми литераторами. О том, что автор Кости Рябцева не равнодушен к молодым начинающим писателям, что каждый из них будет выслушан, его произведение прочитано и оценено, а возможно, получит рекомендацию к печати, в московской литературной среде хорошо знали. В архиве сохранены письма и записки известных писателей, рекомендующих молодого автора, договаривающихся о встрече с Н. Огневим, хлопочущих о возможном обсуждении чаще всего несовершенной рукописи. Судя по всему, никому из направляемых не отказывали, а, напротив, случалась встреча, и порой не одна, и каждый раз начинающий автор получал урок писательского мастерства или практические советы по работе над рукописью. Так, например, письмом от 28 марта 1937 г. сопровождает свою просьбу И. Бабель:

«Дорогой М. Г. Для начала направляю к Вам приятеля моего Евгения Павловича Гончарова, первейшего в нашей стране знатока по части полеводства и коннозаводства. Знания эти воодушевляют его иногда для беллетристических опытов; некоторые из них заслуживают, по-моему, всяческого внимания. Для опыта – я посоветовал Е. П. показать Вам рассказ “Сирота” – вообще, мне кажется, из рассказов его может выйти толк. Великая к Вам просьба – преклонить взор к сему мужу...

Я со своими “продуктами” рассчитываю явиться к Вам в середине сентября. Вчерне написал, теперь буду выправлять. Всего хорошего. Ваш И. Бабель»³.

Н. Огнев работал с авторами тщательно, не боясь обидеть, вел разговор на равных, но всегда исповедовал учительный тон разговора. О вдумчивости этой работы свидетельствует наличие двух вариантов писем, содержащих оценку повести «тов. Правдина»⁴ и написанных 13 января 1937 г.⁵. При этом некоторые слова, появившиеся во втором варианте текста, надписаны рукой Н. Огнева над текстом первого варианта. В результате вместо «повестушка» автор пишет: «повесть», вместо «глубокое познание» – «непосредственное познание». Однако любопытны не эти отдельные следы текстологической работы, а общая оценка произведения, аргументация критических суждений. Сравним:

Первый вариант письма	Второй вариант письма
Ваша повестушка «Апрель» местами мне понравилась. Свежий материал и его глубокое познание – первое условие успеха – налицо. Однако, с образами и сюжетными ситуациями в повести не совсем благополучно. А отсюда – неблагоприятие и в направленности вещи.	Ваша повесть «Апрель» местами мне понравилась. Свежий материал и его непосредственное познание – первое условие успеха – налицо. Однако, с образами и сюжетными ситуациями в повести не совсем благополучно. А отсюда – неблагоприятие и в направленности вещи.
1) Треугольник: Роман – Сима – Маруся имеет решающее сюжетное значение. Но отношения Романа с Симой не очень-то привлекательны, и потому нужно, чтобы Роман совершил геройский поступок, дабы заглянуть в глазах Маруси и читателя эти пошленькие отношения. Ехидный вопрос: – А что, если бы у Романа не встретилось поводу к героизму и Марусе не пришлось бы его разыскивать, как предполагаемого утопленника. Поэтому эпизод с плотиной, (возможно, и законный для материала) кажется притянутым автором за волосы.	1) Треугольник: Роман – Сима – Маруся имеет решающее сюжетное значение. Но отношения Романа с Симой не очень-то привлекательны, и потому нужно, чтобы Роман совершил геройский поступок, дабы заглянуть в глазах Маруси и читателя эти пошленькие отношения. Но заглянуть и не удается. Ответственный комсомольский работник Роман живёт с Симой, любя другую девушку. Как бы автор ни старался унижить Симу, рисуя ее женщиной «из прежде», и – все же остаётся скверненькая позиция Романа, которую можно охарактеризовать как позицию «кота, любящего сметану». А если иметь в виду, что Роман – руководящий комсомольский работник и что он прекрасно понимает всю неглубокую «философию» Симы, то Романа во мнении читателя не спасает никакое героизмо. – «Эта женщина твердо убеждена, – пишет автор, передавая мысли Романа о Симе, – что в мире есть единственная правда, это правда любовных отношений. Все остальное – ложь». Роман прекрасно понимает всю дикость такой житейской концепции, однако эта концепция для него удобна, и он даже не спорит с Симой<...>

Первый вариант письма	Второй вариант письма
<p>2) Очень бросается в глаза бытовая неустроенность Сарычева. Жена у него артистка, поэтому вряд ли особенно увлекается хозяйством, и наверняка держит домработницу, когда живет с мужем. Да и сам Сарычев достаточно зарабатывает, чтобы нанять хотя бы приходящую. Если вникнуть в это неправдоподобие, то весь эпизод со старухой Земсковой окажется лишним. Однако, этот эпизод и все бытование Земсковой окажется лишним.</p> <p>Однако, этот эпизод и все бытование Земсковой у Сарычева – очень приятны, поэтому нужно оставить Земскову, но лучше Сарычева сделать закоренелым холостяком.</p>	<p>2) Для подкрепления «геройства» Романа в экспозиции дан эпизод с нападением волков. В этом эпизоде нет чувства меры. Автору мало, что одним выстрелом Роман остановил волков, ему нужно показать некий подвиг Геракла, поэтому Роман по очереди убивает нескольких преследующих сани волков и в довершении сего подвига без ружья отправляется в лес за тушей волка (хоть ежеминутно сани могут догнать и отставшие волки). А откуда Роман знает, что волки убиты наповал. Даже если бы дело происходило днем, и то нельзя было бы этого знать наверняка.</p> <p>Но автору нужно, чтобы Роман был способен на такие безрассудные поступки для оправдания эпизода с плотиной. И вся беда в том, что это желание автора шито белыми нитками. Из всего этого – вывод: автору нужно придумать основную сюжетную линию соответственно видоизменив образы Романа и Симы. Напр. треугольник может остаться, но не обязательно, чтобы Роман так цинически жил с Симой.</p>

Как видно из сравнения двух версий письма, Н. Огнев все подробнее разбирает каждую сюжетную линию повести, настойчиво рекомендует автору изменить их, показывает, как конкретно это следует сделать, призывает автора к большему правдоподобию изображаемых событий. В рецензии указаны не только пути перекройки персонажей, но и обращается внимание на нормы поведения героя – ответственного комсомольского работника, тем самым проблема писательского мастерства переводится в идеологическую плоскость.

Конечно, Н. Огневу приходилось давать и более жесткие оценки написанному. В этих случаях он открыто говорил о том, что вещь совсем не годится, а автору предстоит еще многому научиться. В ответах своим корреспондентам он пишет: «надо делать усилие, чтобы продолжить чтение»; «путь от материала до художественного обобщения, каким должна быть повесть, – долг и труден. Тут недостаточно знания материала и литературных способностей»; «эти способности выражаются в свежести, нешаблонности в выражении Ваших и в разговоре рисуемых Вами людей»; «для того, чтобы одолеть такое произведение, как повесть, нужны ещё данные. Это – знание сюжетосложения, умение построить систему образов вокруг сюжета, эмоциональная окраска как отдельных образов, так и всего произведения. В “Удавах” – и председатель, Литвишко, Тихон Бородин, Шелест и другие – не образы, а только штриховые зарисовки»; «Вы пишете, что освободили повесть от лишних эпизодов и персонажей. В будущем Вашем рассказе о Ленке (я верю, что Вы с ним справитесь), постарайтесь ограничиться четырьмя-пятью людьми, но сделайте их выразительно, выпукло, скульптурно. Для этого основательно почитайте Чехова и Горького»⁶.

Однако бывали случаи, когда писатель настаивал на том, чтобы с молодым автором

поработали работники Союза писателей. Это происходило тогда, когда автором оказывался немощный человек, попавший в тяжелые жизненные ситуации. В середине 1930-х гг. Н. Огнев пишет в Президиум Правления Союза писателей СССР В. П. Ставскому: «“Крушение” Резникова – плохая вещь. Резников – больной, безногий автор, без движения лежащий в Севастополе. Вопреки своему намерению, до сих пор поехать в Севастополь я не смог. Писать ему по “Крушению” я не могу и не буду. По-моему, следует передать – “Крушение” севастопольской или симферопольской организации ССП, с тем, чтобы товарищи, обладающие достаточной компетенцией, объяснили Резникову, что ему следует заняться скорей “Историей заводов” (имея в виду его знание рыболовецких колхозов), – чем художественной литературой. Странно, что при моей перегрузке, – приходится объяснять это Союзу Писателей <и его секретарю – зачеркнуто, сверху написано: в отношении работы с молодыми авторами >»⁷. Этот текст свидетельствует о многом – и о достаточно жестком характере Н. Огнева, и о независимой позиции, которую он смел занимать по отношению к руководству Союза писателей, и о том, что работа с молодыми писателями составляла важную часть его жизни, и что к этой работе он относился особенно серьезно.

С не меньшим интересом относился Н. Огнев к литературному творчеству детей. В архиве писателя хранятся заметки о выступлениях детей – «пионерской живгазеты», письма деткоргов из разных городов страны.

Архив писателя хранит и обращения самих начинающих авторов с просьбой о помощи в литературном редактировании их опусов или с обращениями за житейскими советами. Характерно в этом отношении письмо В. Гранина, датированное серединой 1930-х гг.

«Уважаемый тов. Огнев! Прежде всего отвечаю подробно на последние вопросы вашего письма, чтобы яснее было остальное. Вырос в сибирской деревушке. С 1928 по 1931 год работал в колхозе. Осенью 1931 года, окончательно выдохший от зависти к товарищам, которые уехали учиться, забрал расчет за трудовни и прикатил в Свердловск. Работал на стройке завода тяжелого машиностроения, потом в лаборатории, а вечерами и ночами учился. К дню призыва в Красную Армию уже имел среднее образование. В это же время написал первый рассказ. Писать начал от злости на писателей, которые презирали колхозную действительность. Рассказ напечатали почти без правки. С тех пор – испорченный человек.

Был бойцом, когда приняли в кандидаты ССП. Был курсантом полковой школы, когда командование Урал ВО направило на работу в окружную красноармейскую газету, где и сейчас работаю. Журналист. Бесконечные командировки, уйма свежих впечатлений и ночные бдения над очерками. Солиднейший итог – институт им. Горького. И еще работа над повестью. <...> Не писать не могу и писать не могу. А писать нужно. Ранее написанное не очень бракуют. Значит, немножко выходит. А сколько у меня подспудом не открытых нашей литературой Америк?!

Пишу повесть об одной из этих Америк – о Красной Армии. Называется “Жажда”. <...> Как видите, повесть автобиографична. Вымысла очень мало, только там, где нужно скрепить между собой факты. Наша действительность интереснее всякого вымысла. Поэтому писать очень трудно. Факты задушили, – один другого лучше, – отбирать трудно. По десять раз перекраиваю каждую главу. Намечу главу в 5–6 страниц, а она, чорт бы ее подрал, в лист не влезает.

Или, например, где мне взять язык моей повести? От какого классика оттолкнуться? Нет таких. А язык должен быть обязательно красноармейский. <...> Извините, товарищ Огнев, что отвечаю сверх задания. Наболело. Пробовал снова за рассказы взяться – не выход. Замучили герои повести: “разделайся с нами, а там как хочешь...” <...>

Вот такая дрянь эта литература! А всё-таки “не святые горшки лепят”. Если поможете добрыми советами – напишу “Жажду”. С боевым приветом: В. Гранин»⁸.

Текст письма типичен для начинающего автора, первое произведение которого напечатано и который при всех знаках внешней скромности никакой другой дороги, кроме писательской, для себя не видит. Стоит отметить акценты, грамотно и точно расставленные В. Граниным. На первый план выдвигаются «правильные» факты биографии: колхоз – завод – учеба без отрыва от производства – служба в армии – журналистская работа; как бы незаметная, но вполне внятная жалоба на писателей (не хотят писать о колхозной деревне!); опыт журналиста, много ездящего по стране и,

наконец, огромное желание стать писателем. Есть в письме и интонация наступательности, требовательности, попытка вести разговор с известным писателем на равных. Интересно, что через некоторое время Н. Огнев обращается к тому же В. Гранину и к другим авторам (Кирееву и Бабаевскому) с просьбой поделиться замыслами: «Ответ должен быть дан по возможности краткий, но исчерпывающий. В ответе должен быть изложен конспект (краткое содержание) задуманной вещи (или вещей). Помимо того, в Вашем ответе должно быть указано происхождение Вашего замысла, т. е. – Были ли Вы свидетелем или участником того факта, (или тех фактов), которые Вы собираетесь описать в Вашем рассказе или очерке. – Или Вы, может быть, слышали или читали об этом факте (или фактах). – Или Вы сами сочинили этот факт, как возможный в жизни. И ещё просьба: Сообщить нам о своей профессии более подробно, т. е., напр., не просто: “инженер”, а “инженер, делаю то-то и то-то, мой рабочий день проходит так-то и так-то”»⁹. Таким образом по инициативе Н. Огнева литературные журналы отслеживали творческий путь молодых писателей, которые в основном занимались журналистской работой, но стремились в большую литературу.

Очень важны для Н. Огнева были не только начинающие авторы, но и читатели. В писательском архиве сохранены многочисленные записки, поданные Н. Огневу во время его литературных встреч. Судя по текстам, среди писавших записки немало тех, кто занимался или мечтал заниматься литературной работой. Слушателей интересует отношение писателя к рабочей литературной критике, к собственному творчеству, к особенностям детской литературы. «Ведете ли Вы дневник, подобно Косте? Как закрепляете в памяти события и материалы?»; «Что вы думаете о литературно-формальной стороне творчества Л. Кассиля о его языке, образах, технике сюжета?»; «Как Вы организуете свой рабочий день?»; «Желательно, чтобы Вы показали зарождение идеи, воплощение её в образ и сюжет на каком-либо собственном произведении, хотя бы на маленьком рассказе», – пишут читатели¹⁰.

Н. Огнев с самого начала своей литературной деятельности занимался и организаторской работой. Известен случай, когда перегрузка общественными делами стала мешать собственно сочинительству. 3 февраля 1932 г. писатель обращается в Культпроп ЦК ВКП(б), отправляя копии Горькому в Сорренто, в ГИХЛ, в ФОСП, в РАПП и другие литературные инстанции с просьбой освободить его на время от общественных нагрузок. Между тем начиналась активная подготовка к Первому съезду писателей, создавался Союз писателей, и Н. Огнев увидел в этой работе большой новый смысл. Кроме того, все, что было связано с именем М. Горького, в жизни Н. Огнева занимало важное место: Горькому писатель верил безоговорочно, писал ему, восхищался им. Н. Ог-

нев принимал живейшее участие в литературных баталиях, связанных с перспективами литературы, с жанровыми поисками в советской литературе, с поисками новых мотивов и форм для литературных произведений. Он гордился тем, что стал делегатом Первого съезда советских писателей. В архиве сохранились его заметки, сделанные во время заседаний. Здесь есть и узнаваемые тексты – фрагменты речей М. Горького, Л. Леонова, М. Кольцова. Упомянуты Вс. Иванов, А. Фадеев, Ю. Олеша, Л. Сейфуллина. Есть и собственные наблюдения, рожденные, вероятно, в результате услышанного на съезде: «Товарищи Флоберы! Если к вам стучится начинающий, это культура пробудившихся к новой жизни масс стучится в ваши башни из слоновой кости!»¹¹

Активность Н. Огнева в литературной жизни 1930-х гг. очень высока. По зову ли сердца, по просьбе ли товарищей он откликается на все важнейшие события эпохи. Так, в канун 17 съезда партии (23 января 1934 г.) Н. Огнев готовит «Творческую декларацию писателя». Заметим, что это не текст, подготовленный для коллективного обращения. Это личная декларация, написанная от имени конкретного человека: «К семнадцатому съезду партии, к съезду построения бесклассового, социалистического общества, – я, беспартийный писатель, прихожу с окончательно сложившимся коммунистическим мировоззрением. Мои прошлые книги – это книги длительной, постепенной перестройки, книги внутренней борьбы с идеалистически-гуманитарной культурой, привитой мне воспитанием и средой. Те книги, над которыми я работаю сейчас, – это книги о новых людях, отношениях между ними, отношении новых людей к труду и вещам, чувствам новых людей, людей социализма»¹². В отчетливо выраженной стилистике эпохи писатель сообщает о своих творческих планах (Красная армия, молодежь, социалистическое хозяйство). Но вот в огромной подборке набросков, заготовок, черновиков мы находим высказывания, которые не были адресованы к вечному, это были подручные записки для себя, для собственного литературного труда. В них открывается иной человек – глубоко думающий, хорошо знающий классическую литературу, размышляющий о высокой себестоимости писательского труда. Он сосредоточен исключительно на литературных вопросах. Конечно, сегодня невозможно реконструировать по этим отрывочным запискам полномасштабный творческий процесс писателя, однако, хорошо представляя себе литературно-общественный контекст, мы вправе авторизовать целый ряд идей, ставших предметом рассуждений Н. Огнева. Среди них обращает на себя внимание запись: «быть, делать, знать, любить, строить»¹³. Если исходить из всего творческого наследия писателя, очевидно, эти пять инфинитивов означали для писателя некую содержательную и логическую основу любого литературного произведения. Не

раз говорил об этом Н. Огнев и своим ученикам в литературной студии.

Писательский труд воспринимается Н. Огнев как почетное занятие, при этом всегда подчеркивается превосходство советского писательства – здесь «то, чем любят щеголять философы-идеалисты: добро, справедливость, прогресс, – всё это с нами, а не с ними, ибо мы впервые облакаем в плоть безжизненные начертания этих слов»¹⁴.

Есть в набросках Н. Огнева интереснейшие наблюдения из области литературоведения. Здесь буквально россыпь мудрых мыслей, многие из которых звучат афористично: «художественная логика – риторическая логика»¹⁵; «показ или рассказ?»¹⁶; «домик улитки – спокойное понятие, опасность – понятие динамическое»¹⁷; «новелла – эмбрион романа и драмы»¹⁸; «Ломать канон будем тогда, когда им овладеем»¹⁹.

В записках Н. Огнева собраны речевые обороты, распространенные молодежные жаргонизмы, словечки, которые он намеревался использовать позже в художественных текстах или «подкинуть» их своим ученикам в студии: «Даешь вальс! здорово, не бузи, подкалдыка, подкалдычивать – подзадоривать, она воображает, хоть бы хны, плевать на всё, плевательская точка зрения, взять на тырку, притянуть к ответу»²⁰.

Готовясь к встречам с писательской молодежью, Н. Огнев составлял план выступления. В разных вариантах и различной последовательности, но всякий раз он стремился рассказать о важнейших навыках, без которых невозможно писательское ремесло. Так, в одной из записей встречаем такой план: «1. Способность к образному мышлению. 2. Литературная культура. 3. Умение отбирать материал. 4. Наличие основной (ствольной) темы. 5. Сюжет и образы. 6. Работа над словом. 7. Работоспособность»²¹.

В набросках – заметки для будущих очерков (о метро, о похоронах Горького, о методике работы школьной учительницы), множество писательских находок, тонких замечаний, оценок происходящего. О Горьком: «Слово и образ. Пламенные слова, раскаленный образ. Слово было вечностью, образ прошел в века. Наступил полдень. По городу сначала неуверенно, потом всё настойчивей пополз слух: – умер. – Да правда ли? – Люди сомневались. Иные просто не верили: – Горький? Он не умрет. Не может умереть такой великий»²². Тут же – короткая и емкая оценка прочитанного: «Глубокий психологический дуризм»²³.

Разновекторные формы участия в литературной жизни 1920-х гг. представляют Н. Огнева как тип литературного деятеля, являющегося активным участником литературного процесса и одновременно его организатором и оформителем. Следуя заповедям М. Горького, Н. Огнев активно работает с молодыми начинающими авторами и в этом взаимодействии находит и формулирует целый ряд важных идей, актуальных и для обучения писательскому мастерству,

и для осмысления самых разных проявлений литературного творчества. Н. Огнев не стал литературным теоретиком и методологом, однако в своей повседневной деятельности он предстает рефлексирующим литератором, избравшим стратегию литературного наставничества, передачи литературного опыта, писательских находок новому поколению авторов.

Участие Н. Огнева в литературной жизни 1930-х гг., его влияние на события тех лет, его восприимчивость к молодым коллегам должны не только стать фактом биографии писателя, но и занять подобающее место в истории нашей литературы.

Примечания

- ¹ См. об этом: Елина Е. Дневниковая проза Н. Огнева на фоне эпохи // XX век в зеркалах эпистолярия, дневников, мемуаров. Фединские чтения. Вып. 6. Саратов, 2015. С. 37–42.
- ² Л. А. Кассиль пишет: «Н. Огнев руководил творческими семинарами в Литературном институте Союза советских писателей, вел “отдел молодых” в журнале “Октябрь”» (Кассиль Л. Из школьных лет октябрьского

- поколения // Н. Огнев. Дневник Кости Рябцева. М., 1966. С. 5).
- ³ РГАЛИ. Ф. 370. Оп. 1. Ед. хр. 145.
- ⁴ Правдин Лев Николаевич, прозаик, автор более 30 книг.
- ⁵ РГАЛИ. Ф. 370. Оп. 1. Ед. хр. 129 (машинопись).
- ⁶ Там же. Ед. хр. 121(машинопись)
- ⁷ Там же. Ед. хр. 132.
- ⁸ Там же. Ед. хр. 147 (машинопись).
- ⁹ Там же. Ед. хр. 127.
- ¹⁰ Там же. Ед. хр. 155. Л. 1–16.
- ¹¹ Там же. Ед. хр. 109. Л. 28.
- ¹² Там же. Л. 116 (машинопись)
- ¹³ Там же. Ед. хр. 105. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Л. 2.
- ¹⁵ Там же. Л. 22.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 24.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 56.
- ²¹ Там же. Л. 74.
- ²² Там же. Л. 92.
- ²³ Там же. Ед. хр. 109. Л. 147.

Образец для цитирования:

Елина Е. Г. Н. Огнев в литературной жизни 1930-х годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 318–323. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-318-323.

Cite this article as:

Elina E. G. N. Ognev in the Literary Life of the 1930s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 318–323 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-318-323.
